

Известия. - 1995. - 6 сент. - с. 2.

НЕ ПРОДАЕТСЯ ВДОХНОВЕНЬЕ?

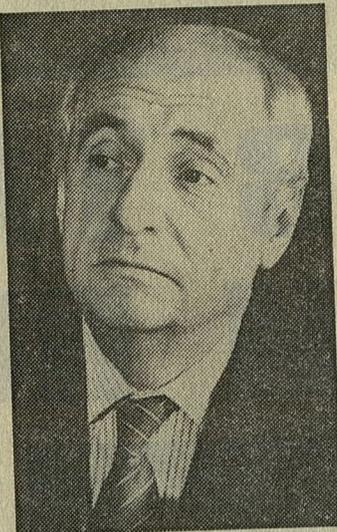
Марк ЗАХАРОВ,
художественный руководитель Московского театра Ленком

Страшные слова. Когда деятели искусства хотят напугать друг друга, они всегда их произносят, закатив глаза, зловещим голосом и дружно ужасаются. Это как если бы у А.С.Пушкина спросили: «А почему у вас маленькие трагедии?.. Ну хорошо, дайте одну». Впрочем, очень возможно, что Александр Сергеевич и не огорчился бы, ведь он был первым профессиональным поэтом в России, не стеснялся получать деньги за свои сочинения, знал им цену, издавал собственный журнал, то есть был предпринимателем, к сожалению, не слишком удачливым. Ловкий Ф.В.Булгарин опережал поэта по части литературной коммерции, и А.С.Пушкин умер после дуэли, оставив множество долгов. Император Николай I, которого все мы привыкли считать тупым солдафоном, распорядился оплатить из царской казны долги погибшего гения. Может быть, это был и не лучший царь, но все-таки не такой недоумок, каким представляли нам его в школе. Ну а то, что ему не понравилась демонстрация неподвластных центральной власти вооруженных формирований (декабристов) на Сенатской площади в 1825 году, здесь его, по-моему, можно понять.

Когда наше искусство развивалось по нефеодалным законам, совершенно независимо от экономики, это было прекрасно, и душа истинного художника ликовала. Театральному режиссеру можно было вывести на сцену 200 человек, можно 300 — и никакой разницы! А если вдруг неотвратимо манила волшебная «Малая земля» Л.Брежнев и хотелось задействовать полностью укомплектованный батальон со всем вооружением — еще прелестнее! Потому что было совершенно безразлично, заинтересует это волшебство зрителя или не заинтересует. Если художественную или литературную акцию одобряло высшее партийное руководство — немедленно «окупались» любые затраты.

Но когда творец бывало отправлялся в дальнее зарубежье и попадал из милого сердцу социалистического реализма в звериное царство желтого дьявола, он сразу же наполнялся гневом, как Маяковский при виде иностранного паспорта. Я, например, однажды сразу позеленел от гнева. Запомнился момент, когда мне сунули план сразу всех репетиций с указанием, где я должен обходиться только одним дежурным светом (энергия у них, дураков, стоила денег, и они ее, мерзавцы, сэкономили), а когда мог использовать весь свет, который нужен спектаклю. Вот на это число назначается генеральная репетиция, писали мне коммерсанты, на это — премьера, а вот, пожалуйста, и обратный авиабилет до дома... Как хотелось нагрубить! Как хотелось наскандалить, затрясти и крикнуть: «Перед вами Художник, а не торгаш!».

И вот дожили. Теперь надо сочинять только то, что может заинтересовать читателей или зрителей, и это в обстановке, когда вокруг столько соблазнов, когда за зрительский интерес идет постоянная изнурительная борьба. Противно. Даже мерзко, потому что произведение искусства, например симфония, должно быть теперь написано только выдающимся композитором, исполнено обязательно знаменитым оркестром, дирижировать которым должна либо восходящая звезда, либо прославленный маэстро. А если это сочинение самого П.И.Чайковского, но исполняется среднестатистическими музыкантами и просто грамотным дирижером, симфония может не иметь успеха, и ценность ее (в том числе

коммерческая) может приблизиться к нулю. Увы, эти положения распространяются сегодня на все сферы культурного созидания. Творения должны обсчитываться на калькуляторах и обладать ярко выраженной эстетической, а значит, и коммерческой стоимостью. Конечно, в искусстве все непросто, и все его аспекты по полочкам не разложишь; могут родиться такие творения, которые практически не имеют цены.

Действительно, библиотека как объект культуры зримого дохода принести не может. Однако ее информационный потенциал может возрастить тысячи высококлассных интеллектуалов, которые принесут стране и миру неоценимую прибыль. Но, кроме прибыли, в этом мире могут возникнуть творения, которые практически бесценны. Попробуйте оценить стоимость экспонатов Третьяковской галереи! Спасская башня Кремля сегодня — бесценный памятник российской архитектуры, не имеющий денежного эквивалента.

Автор хотел бы обратить внимание, что он симпатизирует только тем произведениям искусства, которые имеют высокую стоимость, и вместе с тем ему бесконечно дороги такие произведения искусства, которые заведомо убыточны. Не озолотит государственную казну Большой театр; расходы на его содержание всегда будут превышать прибыль. Это относится и к любому драматическому репертуарному театру с постоянной труппой. К счастью, это теперь понимают даже законодатели. Неясно другое, и это вечная проблема: кто имеет право на финансовую дотацию, а кто такое право пока не заслужил. Здесь всегда будет совершаться много ошибок, потому что современники в искусстве, что рождается на их глазах, разбираются плохо. Как французы на первой выставке импрессионистов.

Сегодня создание произведений искусства — такой же риск, как и любой бизнес. Государство никогда не сможет оказывать коммерческую поддержку всем рискованным творцам. Тем важнее появление генерации новых российских коммерсантов, готовых взять на себя значительную часть расходов по поддержанию тех очагов культуры или целебных для искусства акций, которые не принесут осязаемой прибыли, но явятся мощным импульсом в российском духовном возрождении.

Мне хотелось бы назвать хотя бы некоторые имена новых Третьяковых и Морозовых, кто сделал финансирование культурных проектов своей второй, а может быть, и основной профессией. Это Петр Авен, Владимир Богданов, Андрей Кузнецов, Мишель Литвак, Виктор Пинчук, Александр Поляков, Андрей Рапопорт, Сергей Слепцов, Александр Смоленский и многие другие лица, упорно занимающиеся коммерциализацией искусства.